

Письмо Александру Скидану

Игорь Чубаров

Дорогой Саша¹,

я долго думал, как ответить на Твой вопрос о несчастье с Анной Альчук. Дело в том, что я не могу претендовать на такую степень близости к этой «истории», чтобы писать о ней сейчас, когда смерть Анны еще не стала фактом культурного сознания (подобно самоубийству Маяковского или Есенина). Ведь даже следствие по делу еще не окончено. И если когда-нибудь выяснится, что ее убили физически, то это письмо по большей части вообще обесмыслится. Поэтому я могу написать о том, что знаю и думаю, только в каком-то жанре («письма к другу»), хотя понимаю, что это слабое оправдание фундаментальной неуместности и неподлинности любого «рассказа» об этом, еще и предназначенного для публикации в журнале. Я чувствую, что любые рассуждения на эту тему могут только исказить не только до конца не известные факты, но и самый смысл этой смерти. И даже отчасти оскорбить память Анны.

С другой стороны, я понимаю, что окончательной, фактической ясности в этом деле добиться вообще не получится, а вот непосредственное переживание этой трагедии с годами сотрется, обезличится, станет просто примером чего-то, какой-то «моралью» и будет восприниматься еще менее точно, чем сегодня. Все эти неразрешимые сомнения не позволяли мне так долго отвечать. Но я все-таки напишу.

Когда она пропала, мы с Кети Чухров жили как раз в Берлине и довольно тесно общались с Анной и Михаилом (Рыклиным). Тяжелые события последних лет ее жизни мы постоянно обсуждали в исключительно благожелательном кругу наших общих берлинских знакомых, полностью разделявших мировоззрение Анны. Какой-то подавленности в ее глазах мы никогда не видели, да и с избыточной эмоциональностью или, наоборот, замкнутостью не сталкивались. Поэтому когда Анна пропала, а это было в католическую Страстную пятницу, мы не знали что и думать. И все последующие дни, пока ее тело не нашли в

¹ Адресат – Александр Скидан, петербургский поэт.

Шпрее, мы были в полной неизвестности и растерянности, переживали, перебирая массу вариантов. Надеялись, что это какая-то необъяснимая случайность и скоро все разъяснится. Я постоянно следил за немецкой прессой, ежедневно посещал сайт берлинской полиции. До этого я никогда ни в Германии, ни в России не интересовался несчастными случаями и криминальной хроникой. Люди вообще не хотят особенно знать об этой стороне нашей жизни, пока это их не коснется лично. Пропавших без вести в Германии всегда очень немного. И когда фото Анны появилось среди них – это было дико видеть.

Немецкие газеты с самого начала связывали ее исчезновение с радикальной художественной деятельностью. Ее неизменно называли *Nackt-Kuenstlerin* и *Regimekritikerin*. Но потом версия самоубийства стала основной. Связываться с Россией никто особенно не хочет и в Европе. Поэтому расследовали это дело исключительно полицейскими силами и методами.

Однако нам еще до того как Анну нашли мертвой стало ясно, что окончательной правды в этом деле не будет. Хотя, с другой стороны, все было абсолютно ясно.

Конечно, очень важно было бы узнать так называемые физические обстоятельства этой смерти. Но к ним все не сводится.

В результате мы сформулировали для себя это так: даже если Анну Альчук не убили религиозные фанатики или спецслужбы, это все равно сделали именно они. И что теперь это дело касается не только Анны и ее мужа, родственников и близких друзей, но и всех нас. И в очень тесном смысле.

Но оказалось, что эту простую мысль не всем дано понять, вернее, принять. Многие наши друзья и коллеги гонят ее как чужой кошмар.

Явные признаки самоубийства (в карманах Анны нашли камни, в организме – снотворное) и свидетельства некоторых родственников как-то очень легко многих успокоили. Но что означает это самоубийство, если даже это так?

Ведь Анна жила среди нас, а с Михаилом, нашим ближайшим коллегой по институту, вообще провела всю свою взрослую жизнь (более 30 лет), имела общую дочь и совсем недавно родившегося внука.

А тут вдруг она оказалась для многих как бы посмертно зачумленной, исключенной из общения не только физически, но и духовно. Она моментально стала якобы абсолютно непонятым, абсолютно другим, чужим каждому существом.

Понятно, почему наша «простая мысль» кому-то так неприятна. Примерять ее смерть на себя никто не хочет, а тем более умирать раньше времени. И от любых разговоров о «разуме» этого самоубийства, его сознательных мотивах бежит как от интеллектуальной или психической инфекции. Но разве что слишком заинтересованно и стремительно, чтобы тема эта действительно была так бессмысленна. В лучшем случае обсуждение выносится в область бессознательного, а чаще – просто психопатологического. Разговоры на эту тему

разрешены в культуре только писателям уровня Достоевского, да и то в рамках художественного произведения.

Но здесь, конечно, есть проблема. Мы вроде тоже против самоубийства. И кто угодно может обвинить нас в нехорошей и прямо вредной (с социальной точки зрения) спекуляции. Христиане, государственники, идеологи всех мастей, обыватели – все запрещают человеку убить себя. А если позволяют, то только во имя чего-то, и еще лучше кого-нибудь с собою прихватив (предложение Кириллову со стороны Верховенского). Те же СМИ интересуются чьей-то смертью только в качестве «борцов с режимом» и т.д. Отдельный человек со своей частной, «не идеологической» смертью никому не интересен.

Но мы хотим сказать совершенно о другом, вовсе не о самоубийстве и его оправдании. Анна не оставила никакой записки, чтобы нас здесь просветить, по причине совершенной интимности ее поступка. Наш мир оказывается не так интересен, а жизнь не так приятна, чтобы за нее цепляться. Есть что-то важнее твоей индивидуальной жизни, что-то придающее ей смысл. Но что? Она не стала объяснять. Однако ответ ясен – это участие в твоей жизни других людей. И когда этот смысл оспаривают...

Думаю, что Анна в какой-то момент почувствовала себя в качестве «исключенной» еще при жизни. И выдержать это очень сложно. Надо самому быть достаточно жестким, самодостаточным человеком, чтобы вынести то непонимание, равнодушие и прямую травлю, которой она подверглась как художник и человек во время и после суда 2004 г. над выставкой «Осторожно, религия!».

Тут, конечно, возникает масса сомнений. И не только потому, что доказать ничего невозможно, даже то, что она покончила с собой. А потому, что в современных («биополитических») условиях человек больше не может принадлежать себе ни в своей жизни, ни в своей смерти. Т.е. не может распоряжаться своей жизнью свободно, без того чтобы кто-то не использовал в своих целях даже его смерть.

Вспоминаю выступления людей на гражданской панихиде в Зверевском центре этим маем. Один человек вышел и начал цитировать фрагменты из книги Михаила Рыклина, посвященной процессу над Анной, якобы объясняющие версию ее самоубийства. Чувствовалась чудовищная неуместность этого выступления, даже если это правда. Человек зачем-то хотел доказать, что ее никто не убивал.

С другой стороны, выступали люди, которые тоже не без основания говорили о «мерзавцах», убивших Анну, и о ждущем их возмездии.

Ужасно то, что даже трагическая смерть человека должна, в конечном счете, всего лишь подтвердить чью-то теорию. Но разве человек не имеет права на самостоятельный, только его касающийся поступок без слов и идеологий? Неужели ему даже уже мертвому нельзя позволить не носить знамен какой-

нибудь религии – коммунистической, консервативной, либеральной? (Опять Достоевский.)

Мы никогда не получим ответов. Потому что мы никогда не узнаем всех причин произошедшего и не получим полной уверенности в том, что же на самом деле произошло. Зато мы навсегда приобрели страх и чувство вины.

Страх перед тем, что убило Анну, может убить и нас. Именно этот страх заставляет людей гнать от себя мысли о своей причастности и близости этой смерти, если не в смысле ее причин, то в смысле самой ее возможности и последствий. Или даже обвинять во всем саму жертву.

А вину – за то, что на ее месте оказались не мы. Хотя страх все же прева-лирует. Среди моих московских знакомых интеллектуалов и художников немало тех, кто продолжает и после этой страшной смерти (как и во время пресловутого суда) обсуждать, хороша или плоха была выставка «Осторожно, религия!», и оценивать художественные достоинства искусства самой Анны. А одна Анина бывшая подруга вообще обвинила ее посмертно в «нехристианском» поступке. Причем здесь все это? Это все равно что обсуждать сегодня какие-то несущественные теоретические разночтения в книгах Джордано Бруно, прямо или косвенно оправдывая ими действия инквизиции. Как будто власть когда-то судила философов и художников по философским и эстетическим критериям. Я думаю, говорить об этом – либо трусость, либо подлость.

И в этом проявляется основная двусмысленность нашего положения. Мы на крючке биополитических технологий власти, и уж точно под колпаком ее тотального контроля. И чтобы избавиться от этого давления, многие из нас готовы сами его непосредственно осуществлять. Давая, например, откровенно циничные или двусмысленные толкования этого события.

Понятно, что никто не хочет жить в мире, где твоего близкого, да и тебя самого, могут в любой момент устранить или довести до самоубийства. Но это реальность сегодняшнего дня, как бы она ни была неприемлема и невыразима.

Между тем выйти из этого тупика можно. По крайней мере для своей совести. Для этого надо дать однозначную оценку действиям лиц, приведших художницу Анну Альчук на скамью подсудимых, или не поддержавших ее перед преследователями и властью, как подталкивание к самоубийству или даже подстрекательство к убийству.

В любом случае именно они ее и убили. Если даже это самоубийство – это не только ее личный выбор. Ее привели к этому порогу молчанием или осуждением, из страха оказаться на ее месте. Винаваты все те, кто заставил ее поверить, что ненависть – это закон жизни, что антисемитизм – это то, с чем следует считаться и бояться, что искусство – это не область свободы, счастья и радости человека, а зона страха, зависти и злобы.

Мы сможем уважать выбор Анны только если попробуем поставить себя на ее место, вернее, поймем, что можем на ее месте оказаться. Но надо как-то удержаться от попыток извлекать из этой тихой и одинокой смерти подтверждения для своих «жизнерадостных» мнений. И я прошу прощения, если сам допустил какие-то неуместные высказывания.

13.08.08

Москва